

Из воспоминаний Воробьевой Крелии Ивановны об участии в Великой Отечественной войне. 24 февраля 1965 г.

[...] На фронте в первом бою я была в роте противотанковых ружей. Рота моя подошла к местности, которую немцы сильно обстреливали из миномета. Это пространство называли «квадрат смерти». Надо было его пройти, чтобы вступить в бой с врагом. Мы шли зигзагами, ползли и перебежали. Как раз в этом «квадрате смерти» мне пришлось перевязывать двух бойцов. Разрывы мин не давали возможности действовать. Первая очередь меня оглушила, а от второй загорелся мешок на спине у раненого, которого я перевязывала. Нам предстояла гибель, если мешок взорвется. Я быстро обрезала ремни мешка, отбросила его в сторону.

Только я начала перевязывать второго бойца – еще раз ранили первого. Пришлось мне тащить товарищей на себе. К нам на помощь послали двух бойцов, но они не доползли, были убиты. Потом, когда раненых эвакуировали на лошади, мне надо было вернуться по этому же месту обратно в роту. Меня уже не ждали, не верили, что я жива. Я чувствовала страшную усталость, но поднялась и пошла. Свистели пули, несколько раз приходилось ложиться на землю. Но вот я уже у окопов, бойцы меня схватили, втащили в окоп. И тут только я заметила, что у меня руки в крови, шинель разорвана. Я поняла, что немецкая пуля обожгла мне плечо.

Тогда я получила первую благодарность, которая обязывала меня на новые боевые дела.

Помню второй бой, когда надо было освободить один населенный пункт. Немцы стреляли по нашей линии так, что не поднять было головы. Послали разведку. Потом видим – командир наш поднимается во весь рост и идет вперед. Он ничего не говорит, молча идет, но бойцы поняли. Несмотря на бешеный огонь врага, мы поднялись и пошли в атаку.

[...] Было много раненых, пришлось перевязывать. Немец решил отойти, оставил населенный пункт. Это была груда развалин. Мы увидели трупы наших советских женщин, трупы погибших детей. Какая жажда мщения охватила нас! Немец предпринял новую атаку. Вышло так: на одной стороне деревни наша рота, на другой стороне автоматчики, а дорогу посередине обстреливают пулеметы противника. Вдруг мы слышим, командир роты автоматчиков ранен, нужна помощь. Наш командир приказал мне трогаться, потому что не было никакой возможности перейти дорогу под ураганным огнем. Но я не смогла удержаться, устоять на месте. Только командир отвернулся, я, сама не знаю как, очутилась на другой стороне. Не понимаю, как меня не убило. Я вбежала в первый дом. Там лежал раненый немец. Он хотел выстрелить в меня, но я опередила его, убила прикладом. Во второй комнате лежал наш командир автоматчиков. Тяжелораненый он умер на моих руках. Это был боевой друг всех бойцов, и его не стало. Когда отбили вторую атаку врага, мы на грудах развалин собрали комсомольское собрание. Комсомольцы клялись отомстить врагу, за смерть своего командира уничтожить 20 немецких офицеров.

Такие комсомольские собрания мы проводили после каждого боя. На одном собрании мы сообщили комсомольцам, что один молодой боец перед смертью написал кровью на своем комсомольском билете: «Умираю, товарищи, а как хочется жить, бороться, уничтожать врага...».

Яростной схваткой с врагом ответили комсомольцы на гибель товарища.

Однажды шел бой. Крикнули, что есть раненые. Я сняла все лишнее обмундирование, одела маскировочный халат и поползла. Пробираться приходилось осторожно: противник вел перекрестный огонь. Я доползла до раненых, и здесь меня саму ранили.

Прощаясь с товарищами, я обещала, что обязательно вернусь.

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 174, л. 3-5. Подлинник. Машинопись.